

И. Р. Кушхов*

ПРОЦЕССЫ РАЗВИТИЯ УНИТАРИЗМА ПРИ СОВРЕМЕННОЙ МОНАРХИЧЕСКОЙ ФОРМЕ ПРАВЛЕНИЯ

Рассматриваются процессы развития унитаризма в государствах с монархической формой правления. Анализируются политические и культурные автономии, квазифедеративные отношения на примере Соединенного Королевства, Дании и Нидерландов. Изучается опыт Норвегии, Швеции, Испании.

Ключевые слова: унитаризм, монархическая форма правления, государство, деволюция, квазифедеративные отношения

Processes of development of unitarianism in states with monarchical form of government are considered. Political and cultural autonomies, quasifederative relations are analyzed on the example of the United Kingdom, Denmark and the Netherlands. Experience of Norway, Sweden, Spain is studied.

Key words: unitarianism, monarchical form of government, state, devolution, quasifederative relations

Большинство монархических стран избрало унитарную форму политико-территориального устройства.

По характеру взаимоотношений между государством, высшими органами государственной власти и управления, их структурными частями, органами власти, управления и самоуправления унитарные государства при монархической форме правления можно подразделить на сверхцентрализованные и децентрализованные.

В сверхцентрализованном унитарном государстве при монархической форме правления все звенья административно-территориального деления управляются назначаемыми из центра монархом чиновниками, а выборные местные органы либо отсутствуют, либо их роль ограничена и они находятся под контролем представителей центральных органов исполнительной власти. К сверхцентрализованным унитарным монархиям относятся Бруней, Бутан, Непал, Таиланд, арабские монархии и монархии Тропической Африки и Океании.

Децентрализованное унитарное государство при монархической форме правления характеризуется отсутствием в административно-территориальных единицах специально назначаемого центральным органом чиновника, а местное самоуправление и управление осуществляются выбираемыми населением соответствующих административно-территориальных единиц муниципальными органами. Примерами таких государств можно считать все европейские монархии и Японию.

Современная Япония хотя и является унитарным государством, тем не менее представляет собой децентрализованное государство, основанное на местной автономии, регулируемое Законом о местной автономии 1947 г. Местное самоуправление — двухуровневое. Верхний уровень — префектуры, нижний — города, приравненные к ним по статусу районы Токио, деревни и сельские общины. В решении вопросов местного значения, определенных для каждого уровня публичной власти Законом о местной автономии, органы власти на местах достаточно самостоятельны. Они наделяются имуществом, которым могут вести дела и осуществлять административное управление, принимать постановления в пределах Закона. Для решения конкретных задач в Япо-

* Кушхов Идар Русланович — ассистент кафедры теории и истории государства юридического факультета Кабардино-Балкарского государственного университета (Нальчик). E-mail: idarkoushkhov@mail.ru.

нии помимо обычных территориальных единиц создаются финансово-промышленные округа. Для решения общих задач формируются ассоциации, консультативные советы соседних территориальных единиц¹.

Отдельные унитарные государства с монархической формой правления обладают автономиями. Это, несомненно, усложняет их политико-территориальную организацию, вносит в нее асимметрию. Но само по себе наличие на территории монархического государства одной, двух и даже нескольких автономий не выводит его за рамки унитарности.

При монархии могут существовать политическая и культурная автономии. Политическая автономия развивается в квазифедеративные отношения, что является характерной особенностью современного этапа развития унитаризма в Великобритании, Дании и Нидерландах. Квазифедеративные отношения обычно возникают между бывшей метрополией и ее бывшими колониями (они уже не колонии, но и не государства), которые желают сохранить экономическую и политико-правовую связь с метрополией, но в то же время обладают суверенитетом. Такие отношения могут появиться и в силу давних исторических традиций.

В Соединенном Королевстве, наряду с процессами деволюции, о которой пойдет речь ниже, происходит развитие квазифедеративных отношений.

В Великобритании существуют территории с особым статусом, к которым принадлежат остров Мэн и другие острова пролива. Они имеют собственные судебные системы, но в силу исторических причин власть на островных территориях не унифицирована. Кроме того, есть зависимые территории. К ним относятся Гибралтар, остров Святой Елены, Фолклендские острова, Бермудские острова и др. На зависимых территориях нет собственных судебных систем, для каждой заморской территории назначен представитель монарха Великобритании — губернатор, — что в определенной степени унифицирует власть. Однако практически различия между островными и зависимыми территориями весьма незначительны.

Королевство Дания состоит из 14 амтов (областей) и двух самоуправляющихся территорий: Фарерских островов и Гренландии.

Органы управления амтов возглавляют начальники областей, назначаемые и освобождаемые от должности Королем по представлению Совета министров. Амты делятся на коммуны. Начальники административно-территориальных единиц амтов по представлению местных советов назначают и освобождают от должности старост коммун и бургомистров муниципалитетов. Такое положение обеспечивает целостность исполнительной власти по вертикали и жесткий контроль за деятельностью ее низовых звеньев. Представительными органами на местах являются советы амтов, коммун и муниципалитетов, избираемые непосредственно населением на четырехлетний срок².

Фарерские острова пользуются внутренней автономией, установленной Законом о самоуправлении от 23 марта 1948 г., в соответствии с которым они имеют собственный законодательный орган (легтинг), состоящий из 32 депутатов, избираемых на четыре года прямым голосованием на основании пропорционального представительства. Высший исполнительный орган — ландстюри (правительство) — формируется легтингом. Интересы Королевства Дания на Фарерских островах представляет верховный комиссар³.

Правовой статус Гренландии определен Законом о расширении внутренней автономии Гренландии, принятым Фолькетингом Дании 17 ноября 1978 г. и одобренным на референдуме в Гренландии 17 января 1979 г. В соответствии с ним ландстинг Гренландии состоит из 31 депутата, избираемого на четыре года всеобщим голосованием на основе пропорционального представительства. Высший исполнительный орган — ландстюри — формируется ландстингом. Королевство Дания в Гренландии представляет верховный комиссар⁴.

Королевство Нидерландов в настоящее время сохраняет два заморских владения: Нидерландские Антильские острова и остров Аруба.

Нидерландские Антильские острова включают острова Бонайре, Кюрасао, Саба, Сент-Эстатиус и части острова Синт-Маартен. Согласно Хартии Королевства 1954 г. Нидерландские Антильские острова являются частью Нидерландов и пользуются автономией во внутренних делах. Представительным органом островов выступает Законодательное собрание из 22 членов (14 – от острова Кюрасао, 3 – от острова Бонайре, 5 – от островов Саба, Сент-Эстатиус и Синт-Маартен), которые избираются на четыре года. Исполнительную власть осуществляет губернатор совместно с Консультативным советом и Советом министров (в его состав входят не более 10 человек). На каждой островной территории государственные органы представлены вице-губернатором, советом и правительством⁵.

Остров Аруба расположен в группе Подветренных, или Малых Антильских, островов. С 1 января 1986 г. остров Аруба вышел из федерации Антильских островов и получил статус территории Королевства Нидерландов с правами внутренней автономии. Структура государственного управления на острове Аруба построена таким же образом, как и на Нидерландских Антильских островах⁶.

Культурная автономия состоит в том, что национальным меньшинствам, рассеянным или не живущим компактно, предоставляются права и свободы в отношении пользования своей культурой, языком, религией и ведения привычного образа жизни. Такая форма автономии широко используется в Скандинавских монархиях.

В Норвегии и Швеции принято законодательство, регулирующее различные аспекты статуса саамов. Саамы признаются коренным народом только в Норвегии, в Швеции они рассматриваются как национальное меньшинство. Если раньше в центре внимания законодателя были вопросы владения оленями и их выпаса, то в 1990-е гг. сфера правового регулирования расширилась и стала охватывать вопросы признания саамского языка, культуры, образования. Так, в 1990 г. в Норвегии принят специальный Акт о саамском языке, где он признается официальным, используемым во всех сферах жизни на землях проживания саамов. В Швеции в 1999 г. появился Акт о праве использования саамского языка в отношениях с публичными властями. В настоящее время на повестке дня стоит решение вопросов политического участия саамов в решении касающихся их проблем⁷.

Сегодня в монархиях развиваются формы политико-территориального устройства, переходные от унитарного государства к федеративному. В условиях унитаризма в Великобритании развиваются процессы деволюции и квазифедеративные отношения, об этом было сказано выше, а современная унитарная Испания – это своеобразное регионализованное государство, сохраняющее историческую форму правления. Рассмотрим эти процессы в указанных странах.

Развитие Великобритании обнажило ряд общественно-политических проблем, решение которых традиционными государственно-правовыми средствами уже не всегда возможно. В связи с этим обнаружились сложности и даже кризисные явления в функционировании многих политических и государственных институтов, подвергающихся серьезной критике. Требование конституционных реформ стало своеобразным рефреном, сопровождающим общественно-политическое развитие Британии в последние годы⁸.

Принципиальное направление конституционных реформ в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии – поиск нового политико-территориального устройства. Для интерпретации новейших реформ в этой сфере используются понятия «квазифедерация», «деволюция» и «децентрализация».

Первое применимо потому, что реформы в Британии хотя и не ведут непосредственно к созданию федеративного государства, включают ряд его формальных характери-

стик: формальное разделение властей между двумя уровнями управления; резервированные и переданные полномочия; совместная юрисдикция в иностранных отношениях, включая Евросоюз, между центральными и региональными представительствами; своего рода конституционный суд; новая структура межправительственных отношений, определенная договорами между центральными правительственными департаментами и созданными региональными ассамблеями. Эта политическая конструкция выражается в регулярных встречах министров одного профиля и их подчиненных; введении двойного гражданства и своеобразном феномене «мультиидентичности», который стал в настоящее время более явным.

Понятие «деволюция» означает передачу центром ряда важных прерогатив (в том числе определенного объема законодательной власти) в регионы, именуемые государствами. Различия между федерализмом и деволюцией определяются природой государства (оно остается унитарным), а отличие от понятия «децентрализация» состоит в том, что речь идет не о создании автономий, а о более высоком статусе. Именно этот термин наиболее точно отвечает ситуации, сложившейся в Королевстве.

Вообще, в состав метрополии входят Англия, Уэльс, Шотландия, Северная Ирландия, ряд других территорий. Исторически Великобритания сложилась как уния. Особенности современного политико-территориального устройства связаны с этим. Программа британского правительства включала учреждение парламента в Шотландии и Законодательной ассамблеи в Уэльсе. До последнего времени было не вполне ясно, до какой степени эти законодательные органы будут самостоятельны. Выдвигалось два возможных сценария: минималистский и максималистский.

В правительстве Великобритании предусмотрены должности государственных секретарей по вопросам Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии. Они, с одной стороны, обеспечивают учет интересов соответствующих территорий, а с другой — осуществляют административный надзор за их органами.

Развитие деволюции вызывает существенные разногласия между лейбористами и либеральными демократами. Если целью последних является «федеративная Британия», то лейбористы не склонны идти так далеко и намерены сохранить сильную центральную власть. Консерваторы вплоть до 1998 г. выступали решительными противниками каких бы то ни было изменений статус-кво. Помимо приверженности обеих партий идее передачи части полномочий центра на места и укрепления тем самым демократических начал в государственном управлении, немалую роль здесь играет их обоюдное стремление более органично «вписать» Британию в политическую структуру Евросоюза. Одно из приоритетных направлений деятельности последнего — активная региональная политика, нацеленная не только на помощь и поддержку слаборазвитых регионов, но и на все более органичное вовлечение региональных властей в политическую систему Европы⁹.

Основная причина серьезных политических разногласий вокруг проблемы Соединенного Королевства — опасения консерваторов и части лейбористов, что, сформировав собственные законодательные ассамблеи, регионы начнут требовать все больших прав, а это может существенно подорвать единство страны. Особенно беспокоит противников федерализации возможность отделения Шотландии, национальная партия которой уже давно выступает за полную независимость региона. При этом, сознавая необратимость уже происшедших перемен, консерваторы признали результаты состоявшихся референдумов легитимными и не намерены в случае возвращения к власти ставить вопрос о роспуске ассамблеи. То же самое наверняка произойдет и после того, как будет реализован тот или иной вариант автономизации десяти регионов самой Англии, где лейбористы планируют создать агентства регионального развития, призванные самостоятельно решать назревшие экономические проблемы. Но в отличие от созданных консерваторами корпораций городского развития, главную скрипку

в которых играли предприниматели и местная администрация, лейбористы намерены передать агентство под контроль так называемых региональных палат¹⁰.

Возможно, в ближайшее время этого не случится. Однако происшедшие перемены уже серьезно нарушили «унитарность» Великобритании и после всех проведенных референдумов в исторических регионах страны, видимо, можно будет говорить о Соединенном Королевстве Англии, Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии.

Процесс деволюции может парадоксально повлиять на внутреннюю стабильность Великобритании. Чем более успешно будут решаться проблемы Шотландии и Уэльса, тем сильнее будут требования по решению проблем самой Англии. Основные параметры реформы – идентичность, национальность, суверенитет и гражданство – ставят проблему дефицита демократии на национальном уровне и экономического неравенства на региональном уровне. В случае успеха программы деволюции Соединенное Королевство может эволюционировать со временем в оригинальную форму деволютивной квазифедерации, реализуя национальные и региональные идентичности путем асимметричного перераспределения власти. В случае программы провала эти процессы могут привести к распаду Союза. Возможен и третий вариант – замораживание конфликта с сохранением напряженности между Лондоном с одной стороны и Эдинбургом и Кардиффом – с другой. От успеха создания деволютивной квазифедерации во многом будет зависеть решение проблем Северной Ирландии. При реформировании политико-территориального устройства Великобритании исходили из децентрализации управления в ответ на требования регионов об уступках.

Для развития политико-территориального устройства Испании характерны процессы регионализации.

Федеративная модель ассоциировалась в Испании с отсутствием порядка и кантонизмом, характерным для Первой республики XIX в.¹¹ На протяжении XX в. в Испании шла открытая и острая борьба между центристскими и центробежными политическими тенденциями. Эта борьба велась не обособленно, а в рамках общего противоборства олигархически-авторитарных тенденций. Выявилась определенная закономерность: повышение значимости национально-региональной проблематики и рационализация притязаний национальных и региональных элит имели место в моменты обострения борьбы вокруг основ политического строя, при ослаблении позиций центральной власти. Роль системы, минимизирующей негативные последствия столкновений интересов центр–регион, играет в постфранкистской Испании государство автономий¹².

В Испании во все демократические периоды развития страны прослеживается склонность к политической децентрализации¹³. Концепция регионализованного государства нашла отражение в тексте двух Конституций: 1931 и 1978 гг. Вместе с тем следует отметить, что государство в Конституции 1931 г. характеризовалось как целостное, совместимое с автономией общин и областей, а в Конституции 1978 г. – как состоящее из автономных образований.

Целостное государство, совместимое с автономией общин и областей, – оригинальная испанская теория, возникшая под определенным воздействием немецкой доктрины федерализма¹⁴. По мнению испанского юриста Ф. Сегадо, в Конституции 1931 г. материализовалась разновидность «урезанного федерализма», впоследствии получившая наименование «регионализованного государства», в котором политическую и административную автономию могли приобрести все области, ходатайствуя об этом¹⁵.

В период преобразования политического режима после смерти генерала Франко в 1975 г. Испания вернулась к идее областной реформы. Карта автономных сообществ была в значительной степени определена еще до принятия новой Конституции. Институционализация преавтономных режимов включала два этапа: утверждение королев-

ским декретом-законом статуса региона, а также выработку мер по преобразованию государственных служб и их передаче территориальным коллективам в результате деятельности смешанных комиссий из представителей центра и регионов.

Во время разработки новой Конституции дали о себе знать две противоположные концепции. Приверженцы первой рассматривали Испанию как единое и неделимое государство. Сторонники второй отмечали, что принципы итальянского законодательства являются удачным решением регионального вопроса в государствах, принадлежащих к континентальной системе права¹⁶.

Конституция 1978 г. не называет политико-территориальное устройство Испании федерацией. Против использования «федеративной» терминологии выступали националистические партии, полагавшие, что это уравнивает статусы «исторических регионов» и провинций, не обладающих особой культурно-исторической идентичностью. Тем не менее официально признаваемая унитарным государством, Испания достигла такой степени децентрализации, что по определенным параметрам ее автономии превосходят субъекты федеративных государств¹⁷.

В испанской модели региональной реформы большое значение имеет инициатива местных коллективов. Как отмечает итальянский юрист Л. Калифано, в Конституции 1978 г. автономия трактуется не только как гарантированное и признанное государством право каждого региона и национальности, но и как возможность каждой территории добровольно реализовать его тогда, когда она этого пожелает, исходя из собственных исторических и культурных характеристик и стремления к автономии¹⁸.

Согласно новым подходам единство страны не рассматривалось в качестве синонима национальной однородности и допускало признание многонационального характера государства. По конституционно-правовой доктрине предоставление статуса национальности не давало каких-либо особых привилегий, а лишь отражало большую степень осознания собственной коллективной идентичности и желание ее сохранять.

Конституция Испании 1978 г. не закрепляла список автономных сообществ, инициатива должна была исходить от заинтересованного населения. Автономные сообщества могли приобретать новый статус на основании процедур, предусмотренных ст. 143 и 151. В первом случае статус регионов определялся положениями гл. 3 Конституции и соответствующими статутами. Для этой категории расширение объема полномочий путем внесения изменений в текст статута становилось возможным лишь по прошествии 5 лет (ч. 2 ст. 148). Для процедуры, предусмотренной в ст. 151, характерны более сложные требования к волеизъявлению населения, однако самостоятельность этих автономных сообществ значительно шире. В частности, Конституция закрепляет лишь общие параметры системы их органов, но не определяет объем их компетенции, оставляя эту проблематику на усмотрение статутов (ст. 152).

Кроме того, допускается особый порядок приобретения автономного статуса для регионов в составе одной провинции. В соответствии со ст. 144 Генеральные кортесы, руководствуясь национальными интересами, могут вместо местных собраний представителей предоставить ходатайство об автономии и разрешить образование сообществ посредством издания органического закона.

На конституционном уровне намечены лишь основные контуры системы региональных органов (ст. 152). К их числу относятся: законодательное собрание, правительственный совет и его председатель, который одновременно является и государственным чиновником, представляющим центральную власть в автономном сообществе. Это должностное лицо хотя и определяется законодательным собранием, но назначается на должность Королем.

В испанской модели регионализованного государства предусмотрена подвижная система разграничения компетенции между государством и автономными сообществами: определены перечни исключительных предметов ведения государства (ч. 1 ст. 149)

и предметов ведения регионов (ст. 148). Кроме того, автономные сообщества могут закреплять в статутах и иные вопросы, специально не отнесенные Конституцией к ведению центральной власти (ч. 3 ст. 149). Однако, как и в Конституции 1931 г., вопросы, не включенные в перечень предметов ведения регионов, резервируются за государством. Центр может делегировать автономным сообществам собственные полномочия путем издания органического закона, которым предусматривается передача соответствующих финансовых средств и определяются формы государственного контроля в данной сфере (ч. 2 ст. 150).

В настоящее время Испания – одна из наиболее децентрализованных стран Европы. Как отмечается в литературе, процесс регионализации не столько обусловлен конституционными предписаниями, сколько выступает результатом переговоров между ведущими политическими партиями страны¹⁹. На основании пактов Манклоа, подписанных в 1977 г. всеми представленными в Генеральных кортесах партиями и правительством, было принято решение о предоставлении преавтономного статуса регионам до вступления в действие новой Конституции страны. В 1981 г. правящая партия СДЦ и ведущая оппозиционная партия ИСРП подписали соглашение о гармонизации процесса автономизации, на основании которого был принят органический закон. В определенной степени этот акт направлен на унификацию процесса автономизации и ограничение полномочий сообществ. В августе 1983 г. Конституционный суд признал неконституционными ряд положений этого закона, в том числе касающихся контрольных полномочий центральной власти в отношении законов и административных мер регионов. Суд исходил из того, что автономия означает возможность принимать окончательные решения в рамках предоставленной компетенции. Вместе с тем продолжают действовать нормы органического закона об одновременном проведении региональных выборов, сроках деятельности представительных органов, ограничении максимальной численности правительственных советов (не более 10 человек), о конструктивном вотуме недоверия по инициативе 15 % депутатов законодательных ассамблей, формах контроля регионов за провинциальными органами²⁰.

На современном этапе в Испании все ее территориальные единицы – автономные сообщества, провинции и муниципалитеты – являются автономными образованиями различных уровней в рамках общей высокой децентрализации политико-территориальной системы страны. Автономизм Испании был противопоставлен франкистской политике жесткой унификации, полного отрицания автономии национальных районов и абсолютного унитаризма. Подчеркивая нерушимое единство испанской нации как единого и неделимого отечества всех испанцев, Конституция Испании в то же время признает и гарантирует право на автономию для национальностей и регионов, ее составляющих, и солидарность между ними (ст. 2). В стране наблюдается демократическое сочетание общетерриториальной и национально-территориальной автономии в политико-территориальной организации.

Важно при этом отметить, что согласно Конституции различия в статусах автономных сообществ ни в коем случае не могут давать ни экономических, ни специальных преимуществ, а государство гарантирует эффективное осуществление принципа солидарности, заботясь об установлении адекватного и справедливого экономического равновесия между различными частями Испании, уделяя особое внимание специфическим условиям островных территорий (ст. 138). Целям выравнивания уровней экономического развития «бедных» и «богатых» регионов и воплощения принципа солидарности служит созданный на основе Конституции 1978 г. Компенсационный фонд как фонд регионального развития (ст. 158). Важно и то, что все испанцы имеют одни и те же права и обязанности на всей территории страны; никакие органы власти не могут принимать меры, прямо или косвенно препятствующие свободному передвижению и выбору местопребывания лиц и свободному перемещению имущества по всему государству (ст. 139).

Ни в коем случае не допускается создание федерации автономных сообществ, а соглашения между ними могут заключаться лишь с разрешения Генеральных кортесов при уведомлении о характере и целях такого соглашения (ст. 145).

Своеобразие испанского автономизма состоит в том, что в рамках его конституционных основ вопросы разграничения предметов ведения и полномочий автономных сообществ и государства решаются в каждом случае отдельно, что порождает еще большую асимметрию внутри системы автономных сообществ. В связи с этим Каталонии, Стране Басков и некоторым другим удалось за последние годы получить немалые уступки центрального правительства, особенно в плане укрепления их финансовой самостоятельности. Общая тенденция расширения автономии и децентрализации власти и управления выразилась в принятии общенационального Пакта об автономии (февраль 1992 г.) и его осуществлении в последующие годы, основывавшихся на нахождении компромисса между децентралистскими и унитаристско-централистскими силами. В результате были существенно расширены полномочия автономных сообществ на основе ч. 2 ст. 150 Конституции.

По мнению А. Авиловой, испанский опыт реформирования системы регионального управления интересен тем, что «...он подтверждает необходимость крайне осторожного подхода к перенесению готовых зарубежных „рецептов“ в специфические национальные условия. Хотя испанская реформа развивалась в русле европейской федералистской традиции (с особым вниманием к практике ФРГ), в стране сумели трезво и прагматично остановиться там, где слишком подробно проработка даже концептуально важных юридических деталей несла на начальном этапе опасность нарушения общественного компромисса, необходимого для переходного периода и продиктованного выбором мирного пути преобразований. Тем самым была обеспечена свобода маневра на первом, самом важном отрезке этого пути... оказалось, что даже вполне успешный опыт становления федеративной государственности представляет собой длительный и поэтапный процесс, требующий серьезной корректировки по мере возникновения сложных проблем структурного порядка»²¹.

В связи с постоянным реформированием государства, состоящего из автономных образований, в испанской конституционно-правовой доктрине сейчас обсуждаются не характерные черты этой модели, а общая концепция его развития. На повестке дня стоит вопрос о том, должно ли государство постоянно находиться в процессе трансформации или же на определенной стадии необходимо определить конечную цель преобразований²².

Современная Испания подтверждает тезис о том, что регионализм — это процесс эволюции унитарного государства. В стране и на уровне доктрины, и на практике продолжается поиск оптимальной территориальной организации. Для Испании характерен регионализм на грани федерализма, причем с течением времени эта грань становится все более условной. Не случайно в современных англоязычных исследованиях, посвященных федерализму, Испания рассматривается как разновидность федерации.

¹ Инако Ц. Современное право Японии. М., 1981. С. 195–196.

² Конституция Королевства Дания // Конституции стран Европы: в 3 т. М., 2001. Т. 1. С. 298.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 298–299.

⁵ Конституция Королевства Нидерландов // Конституции стран Европы. Т. 2. С. 208.

⁶ Там же. С. 209.

⁷ Мозунова М. А. Скандинавский парламентаризм. Теория и практика. М., 2001. С. 202.

⁸ Шаповал В. Н. Британская конституция. Киев, 1991. С. 14.

⁹ Перегудов С. П. Конституционная реформа в Великобритании // Эволюция политических институтов на Западе. М., 1999. С. 34.

¹⁰ Там же. С. 35.

- ¹¹ *Salozabel J. J.* Sobre el Estado autonomico Espanol // Revista de estudios politicos. 1992. № 78. P. 109.
- ¹² *Данилевич И. В.* Автономизация Испании // ПОЛИС. 1995. № 5. С. 121.
- ¹³ *Trujillo G.* Un estado federo-regional? // Las experiencias del proceso politico constitucional en México y Espana. Mexico, 1979. P. 208.
- ¹⁴ *Alvarez C.* El estado integral de las autonomias segun la Constitution de la II Republica. Madrid, 1982. P. 18–19.
- ¹⁵ *Segado F.* Las constituciones historicas espafiolas. Madrid, 1981. P. 236.
- ¹⁶ *Murgadas E. A.* La via italiana e la autonomia regionale. Madrid, 1977. P. 31–32; *Beneyto G.* Las autonomias. El poder regional en Espana. Madrid, 1980. P. 63; *Lombardi G.* La nuova Costituzione di Spagna. Torino, 1979. P. 114; *Vandelli L.* L'ordinamento regionale spagnolo. Milano, 1988. P. 19, 58.
- ¹⁷ *Скрипченко С. Д.* Испания: политико-территориальная организация в контексте конституционного строя // Латинская Америка. 2000. № 7. С. 76.
- ¹⁸ *Califano L.* Innovazioni e conformita nel sistema regionale spagnolo. Milano, 1988. P. 11.
- ¹⁹ *Watts R. L.* Comparing Federal Systems. 2nd ed. Montreal and Kigston; L.; Ithaca, 1999. P. 30–31.
- ²⁰ *Agranoff R.* Federal Evolution in Spain // International Political Science Review. 1996. Vol. 17. № 4. P. 391.
- ²¹ *Авилова А.* Испания: новая модель отношений между центром и регионами // Проблемы теории и практики управления. 1997. № 3. С. 45.
- ²² *Malaret Garcia E.* Multidimensional decentralization in Spain: variable geometry decentralization // International Review of Administrative Sciences. 1998. № 4. P. 673.